

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

Секционное заседание

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Руководители — канд. ист. наук, ст. преподаватель исторического факультета СПбГУ *В. В. Вержбицкий, А. Ю. Круглов*

В работе секции приняло участие 15 человек. Выступали студенты кафедр источниковедения истории России, истории России с древнейших времен до XX в., истории балканских стран, истории русской и западноевропейской культуры, истории Древней Греции и Рима, истории Средних веков, истории Нового и Новейшего времени, которые представили доклады в рамках своих научных изысканий.

А. В. Каргальцев

АПОЛОГЕТЫ II в. ОБ ИУДАИЗМЕ

Термином «апологеты» обозначают писателей II в., основной целью произведений которых была защита христианства от распространяемых в то время обвинений со стороны греков и иудеев. В данной статье мы отразим их полемику с иудеями.

Основная борьба развернулась вокруг Ветхого завета, который обе стороны считали своим вероисповедным документом и ревниво относились к использованию его конкурентами.

Напомним, что в ходе прошедших двух Иудейских войн иудейское государство прекратило свое существование. А разрушение государственности, политической и территориальной целостности иудеев стало рассматриваться как божье наказание. Одно место из первого послания к фессалоникийцам напоминает, что иудеи были истреблены, поскольку «убили и господа Иисуса и его пророков,

Каргальцев Алексей Витальевич — студент исторического факультета СПбГУ

и нас изгнали, и богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца» (1 Фессал., 2: 15–16). Так начался безжалостный антииудаизм традиционной христианской теологии, который заложил основы социального и экономического антисемитизма средних веков и нового времени.

Вместе с тем К. Э. Керн (архим. Киприан) заметил, что иудаизм восстал на христианство в лице своего священства и законнического сословия. Христианство само родилось в иудейской среде, но в глазах левитов и книжников являлось изменником этой среде, его породившей. Христианство очень скоро не убоилось порвать с той средой, из которой оно само вышло. Оно отреклось от всего того, что не совмещалось с евангельским учением. Если первое время быт христиан мало чем отличался и даже почти совпадал с бытом иудеев, то очень скоро он от него совершенно отделился: вместо обрезания — крещение; вместо жертвенного кодекса храма — бескровная евхаристическая жертва; вместо стеснительных пищевых запретов — широта апостольской проповеди при принципиальном сохранении поста и аскезы, но, конечно, иных, чем у иудеев. Весь быт иудейства восставал поэтому против новой религии. Непримируемость к ней у иудеев и должна была быть сильнее, чем к языческим религиям, потому что в христианстве иудейство усматривало измену себе и своему прошлому. По всему христиане должны были быть евреями, но всем своим бытием они это еврейство отрицают. Первое обвинение христианства иудейством мы находим уже в Деяниях Апостолов. Защитительная речь архидиакона Стефана есть поэтому, если угодно, первая апология христианства. Иудейские обвинения христианству могут быть сведены к следующим:

- христиане — многобожники (неправильное понимание иудеями догмата о Троице);
- христиане отреклись от Закона и не исполняют его;
- христиане изменники вере своих отцов.

На все это христианство давало часто ответ, но систематически составленной апологией против иудейства должно быть признано одно произведение этого II в. — а именно Разговор с Трифоном Иудеем Юстина Философа.

Само же иудейство было по отношению к христианству в совершенно другом положении, чем язычество, и вот почему:

а) язычество было пестро по своим верованиям и не имело общего объединяющего звена, тогда как иудейство представляло собою в известном смысле религиозный монолит;

б) язычество в значительной степени разлагалось, коэффициент его жизнеспособности был слаб, тогда как иудейство, наоборот, было в высшей степени живуче. Вскоре после появления христианства язычество умерло, по крайней мере официально. Иудейство же продолжало и дальше жить, создав талмуд, завоевывать новые области¹.

Начиная с этого времени полемика между иудеями и христианами становится все активнее. Оба движения по-прежнему не различались руководящими кругами империи и равно подвергались гонениям. Один и тот же эдикт Септимия Севера от 202 г. запрещает в равной мере как иудаистский, так и христианский прозелитизм. Но в идеологической и религиозной областях их раскол уже стал свершившимся фактом.

Гностические течения довели этот раскол до появления внутри христианства течений полностью отказавшихся от Ветхого завета и его осудивших. Однако апологеты не включались в конфликт между двумя крайними течениями, стремясь сохранить связи с иудаистским монотеизмом для того, чтобы поддержать превосходство своей религии, сопоставляя ее с этическими и философскими концепциями греко-римского мира.

Первые греческие апологеты оставили нам лишь имена и немногие фрагменты: Квадрат, Мильтиад, Аполлинарий из Гиераполя и Аристоник из Пеллы. О последнем, родом из Палестины, упоминает «Диалог между Париском и Ясоном о Христе», который заканчивается, как сообщает Ориген, обращением в христианство иудаистского оппонента. Особое значение имеет «Диалог с иудеем Трифоном» Юстина, который дошел до нас вместе с иными немногочисленными сочинениями того же апологета и узкого круга современных ему авторов, таких, как Аристид, Татиан, Афинагор, Ермия и Феофил Антиохийский.

Диалогический жанр, расцветавший в то время, лучше всего подходил для выражения этого противоречия. Сочинение Юстина представляет собой первое столь широко замысленное произведение древней христианской литературы, написанное сразу после восстания иудеев против Адриана.

«Диалог с иудеем Трифоном» стоит рассмотреть подробно.

Композиционно «Диалог» может быть разделен на три части:

1. Юстин доказывает Трифону, что ветхозаветный обрядовый закон лишился своей силы и, по пришествии Иисуса Христа, был заменен законом новым.

2. Затем Юстин на основании Ветхого Завета излагает и доказывает истину евангельского повествования о земной жизни Спасителя, а также Его Божественность.

3. И наконец, Юстин цитирует и объясняет пророчества о призвании язычников в Церковь Христову и доказывает, что верующие во Христа сделали духовным Израилем, и все обетования Божии относятся к ним. В своей аргументации Юстин разделяет ветхозаветные свидетельства о Христе на два вида. В его терминологии они называются «прообразы», т. е. события, совершившиеся по воле Святого Духа, которые указывают на события из жизни Христа; и «слова», т. е. непосредственные пророчества как о Самом Христе, так и о событиях новозаветной истории.

Взгляды Юстина на иудаизм не являются исключением из общехристианского отношения к религии иудеев в его время. В самом законе он различает две категории заповедей Божиих:

1) моральный кодекс, который вечно остается в силе;

2) законнические правила, имеющие временное и, следовательно, преходящее значение: «Бог иное повеление и дело почитает вечным и приспособленным к нуждам всего рода человеческого, а иное Он заповедал приспособительно к жестокосердию народа вашего, как Он Сам возвещает через пророков»².

Это свое положение Юстин диалектически основывает на четырех аргументах:

1. Даже во времена Ветхого Завета допускались сознательные нарушения закона: «Неужели Бог хотел, чтобы первосвященники грешили, принося жертвы в субботы, или грешили обрезывающиеся или обрезывающие других в день субботний, когда Бог велит непременно обрезать рожденных в восьмой день, хотя бы он был день субботы?»³.

2. «Почему Бог не научил исполнять те же постановления людей праведных, живших до Моисея, которые назывались праведными и были приятны Ему, хотя не обрезывались и не соблюдали субботы?»⁴.

3. «Бог в этот день (в субботу) управляет миром так же, как и во все прочие»⁵.

4. Обрезание не было исключительно иудейским обычаем: оно распространено и среди других народов, т. е. само по себе не имеет никакой ценности: «Бог не хочет того обрезания, которое дано как знамение: оно бесполезно египтянам и сыновьям Моава и Едома»⁶.

То, что Христос Сам соблюдал все эти правила, было частью божьего плана спасения: «Он исполнил все эти постановления не для того, чтобы Ему оправдаться через них, но — чтобы исполнить домостроительство по воле Отца Своего»⁷.

Таким образом, по мысли Юстина, Бог установил все эти правила для Ветхого Израиля исключительно из-за несовершенства иудеев; Он видел неспособность исполнить высший духовный закон сердца и поэтому дал закон низший, внешний, физический. «Если мы не признаем этого, то должны будем впасть в нелепые мысли: или будто бы не один и тот же Бог был в дни Еноха и всех других, не знавших ни обрезания плотского, не соблюдавших субботы и других установлений, предписанных Моисеем, или будто Богу угодно было, чтобы род человеческий не всегда совершал одни и те же праведные дела. Но мы должны исповедовать, что Бог, будучи всегда один и тот же, предписал эти и подобные им действия по причине людей грешников»⁸. Впрочем, для христиан из евреев, желающих «по слабости духа» сохранить старые обычаи, Юстин допускает обрезание, однако как национальный обычай, а не как нечто, чему придается спасительное значение.

Следовательно, скрупулезное исполнение закона вовсе не приносит желаемого результата, т. е. исполнения божественной воли. Тем не менее, даже «внешний» закон, при всей своей ограниченности, Юстин видит прообразом христианского будущего.

Более того, он считает, что для непринимających Христа иудеев истинный смысл Ветхого Завета полностью закрыт. Следовательно, для Юстина роковая ошибка иудеев заключалась в том, что они придерживались чисто буквального метода экзегезы, которая отдаляла их от видения прообразов и прототипов отвергнутого ими Мессии. Он старается доискаться до другого, типологического значения личностей и установлений, т. е. до того смысла Писания, который раскрывается только через новозаветное Откровение. Его экзегеза является естественным продолжением типологии, предложенной в самом Новом Завете и полностью воспринятой раннехристианскими писаниями. Он не устает подчеркивать это, противопоставляя эллинистическому аллегоризированию свою типологию, построен-

ную на истинном символизме исторических событий и явлений, а не на тексте как таковом.

Можно сказать, что «Диалог с иудеем Трифоном» является первым документом, целиком посвященным ветхозаветной экзегетике: Юстин первым в христианском мире подробно и систематически показал историю как прообраз Боговоплощения, т. е. развил обозначенное апостолом Павлом богословие истории как непосредственно вытекающее из типологии.

Однако совершенно наивно будет полагать, что апологеты отказались от буквального толкования Ветхого завета в спорах с язычниками. Так Титиан в Речи против эллинов доказывая вторичность и заимствованность греческой философии опирается в этом на исторические книги Ветхого завета.

Итак, объективно иудаизм в начале II в. был наиболее опасным противником в части критики христианства. Это было как раз то время, когда между этими религиями существовал хрупкий баланс, и победа одной из них означала забвение или даже уничтожение другой, так как обе эти религии базировались на одном историческом и литературном фундаменте. Христиане не могли отказаться от использования Ветхого завета, а иудеи принять Христа как Мессию. Победа осталась за христианством потому, что еще в I в. апостол Павел, вслед за ним и так называемые Мужья апостольские вышли за рамки иудейского ареала и занимались активным прозелитизмом на территории практически всей Римской Империи, что позволило приобрести определенную мобильность. События Второй иудейской войны, гибель Храма и исчезновение ливитов — его служителей как верхушки иудейского общества — полностью изменили характер иудаизма, основную роль в нем стали играть книжники — фарисеи, ставившие своей целью сохранение иудаизма хотя бы внутри уже существующих общин. На серьезную борьбу с христианами к концу века у них не было уже ни сил, ни времени. Христианство стремительно шло к своему утверждению в Империи.

¹ Керн К. Э. (архимандрит Киприан). Патрология. Париж, 1996 // http://krotov.info/history/01/kern/108.html#_Точ526681263.

² Диалог с иудеем Трифоном // Преображенский П. Сочинения св. Иустина философа и мученика. М., 1892. С. 62.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 23.